

influences new communities and its identities creation. The article is based on the field materials from the museums of Eastern Europe.

According to our research two main functions of border image in museum space are the visiotype of territory and hronotop of the most important events in national history. Despite its original sense and meaning today image of the border in museum can unite people and evoke empathy in visitors.

Keywords: museum; museum exposition; museum projecting; museum image; identities; nation; regional identity; borders; frontier; cultural boundaries; territory visiotype; hronotop; post-soviet countries; empathy; Eastern Europe; Poland; Estonia; Latvia; Hungary; Germany.

УДК 930.1

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ Н.А. БЕРДЯЕВА И И.А. ИЛЬИНА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ОТТОРЖЕНИЯ

© 2016

И.Л. Сокина, соискатель кафедры современной отечественной истории и историографии
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Аннотация. В данной работе представлен сравнительный анализ историософско-антропологических взглядов Н.А. Бердяева и И.А. Ильина в период кризиса историзма, когда русские мыслители одни из первых нащупали антропологическую основу исторического познания. Результаты сравнительного анализа показали, что, при определенной схожести в биографиях философов, у Бердяева апофеоз антропологии – это дерзновенный прорыв в «религиозную эпоху творчества», эпоху *третьего антропологического откровения*. Ильин же более узок в своем понимании антропологии – он вне внимания к началам и концам, его мечта – увидеть преобразенную Россию, свободную от коммунизма, обретшую свой национальный дух, превратившуюся в страну истинных патриотов и религиозно мыслящих людей с четким правосознанием, как выясняется, либерального толка. Важное расхождение между мыслителями: у Бердяева Русская идея мессианская, у Ильина скорее националистическая. У Бердяева смысл – выйти за рамки «русскости» во всеединство, не теряя своей национальности. Не случайно И.А. Ильин считал, что будущее России за национальной диктатурой, тогда как Н.А. Бердяев стоит на позициях христианского персоналистического социализма. То есть Ильин ратует за сильную власть, которая поведет народ к светлому будущему, а Бердяев скорее апеллирует к внутреннему катарсису народа, к христианскому преодолению внутренних противоречий и изъянов.

Ключевые слова: антропологические концепции; антропология; русская религиозная философия рубежа XIX–XX веков; Н.А. Бердяев; И.А. Ильин; кризис историзма; христианство; православие; государство; народ; ментальность; культурный код; русская идея; свобода; творчество; соборность; патриотизм.

Актуальность данной темы не вызывает сомнения. После развала Советского Союза не стало и главенствующей в стране идеологии – марксизма-ленинизма. Россия, как корабль без штурвала, нуждалась и до сих пор нуждается в новой идеологии, прежде всего – в обретении себя, то есть – в самоидентификации. Возврат к корням, в частности, к дореволюционно-постреволюционным взглядам, наработкам историков – философов по выявлению и расшифровке культурного кода России может помочь обрести нужный курс нашей стране. Не зря в сентябре 2013 г. в Послании Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин сослался на «Философию неравенства» русского философа Николая Бердяева, а ранее в 2005 году, накануне возвращения праха И.А. Ильина на родину, процитировал мыслителя также в ежегодном послании Федеральному Собранию [1]. Признание творческого философского наследия эмигрантских писателей, знакомство с их мыслями на уровне государственном – важный посыл, обеспечивающий связь времен и возможность не повторять прошлых ошибок.

Задолго до «антропологического» и «культурологического» поворотов исторической науки русские эмигрантские авторы, в числе которых, безусловно, находятся Н.А. Бердяев и И.А. Ильин, разрабатывали методы познания социальной реальности, базировавшейся на идее «антропоцентричности» истории. В постсоветский период внимание к этой проблеме в числе первых проявили представители томской исто-

риографической школы, возглавляемой проф. Б.Г. Могильницким [2], по-своему – В.Б. Шепелева [3–8].

Как описывает Б.Г. Могильницкий в своем труде, основным элементом образа истории в XIX веке «явилось убеждение в научности истории, ее способности давать достоверное знание о своем предмете, не зависящее от субъективных пристрастий автора и носящее объективно-истинный характер» [9, с. 9]. Главная черта этого времени – вера в прогрессивный ход истории, в движение от худшего к лучшему, и европоцентризм, признание европейской цивилизации в качестве образца для подражания. Русская религиозно-философская мысль рубежа веков предложила альтернативу исторического познания, которую не заметили на Западе, а пришли к ней спустя сто лет через преодоление кантовского «критицизма» и гегелевского «рационализма».

Непосредственно сравнение философских взглядов Бердяева и Ильина можно найти у одного современного автора. Это Л.А. Гаман [10]. Она пишет, что философия Ильина и «его концепция советской истории оказалась значительно более односторонней», нежели концепция Н.А. Бердяева, стремившегося «встраивать» ее в «общее русло российского исторического процесса, как в позитивных, так и в негативных ее проявлениях» [11, с. 302]. В целом тема сравнительного анализа философских построений Н.А. Бердяева и И.А. Ильина мало проработана в отечественной историографии и поэтому является актуальной и интересной.

В статье мы постараемся затронуть проблему культурного национального кода – в нашем случае Русскую идею – как те самые «внутренние тенденции развития сложнорегулированной нелинейной системы» (см. синергетику – постнеклассику), вне учёта которых ни на какие адекватные успешные управляющие воздействия относительно такой системы (в нашем случае – России) рассчитывать не приходится. Но, как подчеркивается в литературе, именно антропологические представления, интенции, суждения предопределяют все прочие ориентиры человека-этноса в мире. Они – «принадлежность «ядра» культурного кода народа – нации – суперэтноса, они предпосылают их историософские устремления, прозрения, интуицию» [12, с. 58]. В ситуации, когда проблема выбора вектора дальнейшего развития для общества – для России – определяется всё более остро, отмеченные феномены обретают поистине экзистенциальное звучание. При этом управляющие воздействия, соответствующие ядру культурного кода или этнической ментальности, благоприятны для развития социума, этнического сообщества. Более того, «попадание в точку» закладывает основы для быстрого – сверхбыстрого восходящего развития такой системы, выводит – способно вывести ее на «режим с обострением». Рассматриваемые нами мыслители, Н.А. Бердяев и И.А. Ильин, их философия как раз затрагивает «социокультурный код» нации, ее ментальность, основополагающее место в их философских построениях занимает Русская идея – суть культурного кода России.

В соответствии с этим нашей целью является системный и сравнительный анализ антропологических и историософских концепций Н.А. Бердяева и И.А. Ильина с учетом того социокультурного контекста, в котором им довелось жить и творить. Раскрытие темы предполагает решение ряда конкретных задач:

1) ознакомиться с особенностями биографий и творческого пути мыслителей, выявить общее и различное в этом процессе;

2) проанализировать антропологические взгляды мыслителей, выявить точки соприкосновения и отторжения;

3) изучить историософские построения Н.А. Бердяева и И.А. Ильина, выявить сходство и различия в концептуальном плане;

4) осуществить сравнительную характеристику восприятия мыслителями Русской идеи, выявить точки пересечения и отторжения.

Оба философа родились в дворянских семьях. Бердяев был старше Ильина на девять лет. Религиозность была традиционной чертой семьи Ильиных, он впитал ее с детства. Бердяев же пишет о свободе, как основной характеристике его детских лет, и остром чувстве социальной несправедливости – отсюда участие студентом в революционном движении: путь к религиозному самосознанию у него был тернист и извилист, через марксизм и ссылку. Схожесть биографий философов и в том, что оба постигали юриспруденцию, у обоих изначально присутствовало стремление к правде, законности.

Кроме того, в судьбах обоих философов прослеживается характерная черта интеллигенции рубежа XIX–XX веков – стремление выйти за рамки простого преподавания и научной деятельности, активно

участвовать в жизни страны. Если Бердяев занимался этим (и радикально) уже в первый период своей жизни (активно, но не радикально и позднее), то Ильин – в эмиграции, где стал идеологом белого движения, руководствуясь формулой – сначала «быть», потом «действовать» и только затем «философствовать» [13–18].

Есть у мыслителей и еще одно сходство – это синтетичность и разнообразие их научных интересов. Их обоих можно назвать не только философами, но и политологами, и литературными теоретиками, культурологами, историками. В произведениях Ильина чувствуется юридическая школа, у Бердяева – вряд ли, он больше философ, Ильин – законник.

Н.А. Бердяев при этом не рассматривал советский период российской истории в качестве разрыва и упадка, старался понять истоки большевизма и увидеть не только минусы, но и его плюсы, И.А. Ильин был яростным противником советской власти и ради ее свержения готов был пойти на сближение и сотрудничество и с фашизмом, не замечая ради этой цели антихристианства и зверств нацистов; позднее – пытался пробудить, подтолкнуть к борьбе против СССР Запад, понимая всю враждебность его России. Продолжение традиции русской религиозной философии помогло Бердяеву принять, в конце концов, и революцию и Советскую Россию. Ильин, утверждая, что к прежней России возврата нет, и категорически не принимая власть Советов, всё-таки гораздо ближе был к до-Октябрьскому прошлому, не помышляя далее либерализма, родовых сущностей экономической общественной формации. Он стал выразителем чаяний и помыслов антисоветской белой эмиграции, Белого движения, антисоветской эмигрантской религиозной мысли, тогда как Бердяев сумел преодолеть субъективизм «выброшенного из страны» эмигранта, и его в какой-то степени можно назвать выразителем дум и настроений духовно мыслящих людей части эмигрантской и даже советской России.

При этом в основе антропологии Н.А. Бердяева, кроме целостно и безусловно воспринятой формулы: человек по образу и подобию Божьему, выделяется понятие «свобода» – СВОБОДА в абсолютном смысле слова, свобода не-тварная в человеке тварном, трагическая. У И.А. Ильина, конечно, присутствует христианская антропологическая формула, но с противоречивыми её проявлениями в авторских построениях и совершенно приниженным толкованием свободы, сначала дифференцированной на природную/естественную, увязанную с частной собственностью, и – духовную, тварную. А затем в целом сведенную к *праву* свободы. По Бердяеву, образ и подобие Божье – вот конститутивный принцип человека, его сверхприродное начало. Иначе – «начало сверхчеловеческое есть конститутивный признак человеческого бытия» и «человек есть существо недовольное самим собою... способное себя перерастать», он есть «разрыв в природном мире» – «есть принцип новизны в Природе» [19]. По Бердяеву, «человек призван обогатить божественную жизнь. Ибо абсолютно быть должен не только Бог и божественное, но также человек и человеческое» [20, с. 356]. Общее у них – религиозная составляющая, которая формирует и основы личности, и национальный дух. При этом: без Бога свобода обра-

щается в анархию, в тёмную свободу небытия (Н.А. Бердяев), а национальный дух питается Любовью, и Бог есть Любовь (И.А. Ильин).

Господство государства – «обыденной социальности», «юридизма» есть, по Бердяеву, составляющие процессов отчуждения человека, чему способствует и практика «исторической церкви». Ильин не ставит под сомнение положительную роль государственной власти и официальной церкви, для него их авторитет непререкаем. В бедах России он винит интеллигенцию, оторванную от родной почвы, утерявшую национальный дух и приведшую страну к катастрофе 1917 года.

Н.А. Бердяев сам обосновал свои антропологические воззрения, раскрывает, что такое антропология, какое место она занимает в философии истории. У И.А. Ильина ничего подобного нет. Он выступает в большей степени как правовед, а не как философ, проблема правосознания у него сквозная, антропологическая. Ее решение, по мнению Ильина, позволило бы человечеству и русскому человеку, прежде всего, выйти на новую ступень бытия. Однако, на наш взгляд, стремление Бердяева понять христианскую душу русского народа куда более интересно и глубоко, чем это раскрыто у Ильина.

Изучая природу антропологии, Бердяев делит ее на субъективно-психологическую и объективно-космическую. Западный гуманизм рождается из субъективно-психологической антропологии, что ведет к индивидуализму, эгоизму западного человека, к потере им духовных основ миропонимания. С критикой Запада также выступает и Ильин, но не глубокой («Запад нам не указ и не тюрьма», «его культура не есть идеал совершенства»), глубокий же анализ его работ способен обнаружить комплиментарность "Западу" в установках русского философа.

Целью историософских изысканий Н.А. Бердяева стало уяснение смысла истории человечества и постижение истории России для определения ее роли и миссии в мировом процессе; целью историософии И.А. Ильина стало самоопределение относительно русской революции 1917 года и разработка плана восстановления России после неизбежного, по его мнению, краха коммунистического строя.

Существенное отличие мыслителей в их восприятии революции 1917 года. Бердяев, изучив ее истоки и причины, считает её глубоко обусловленной и справедливой, встраивает ее в контекст исторического развития России, для него революция и советская власть – закономерный итог предшествующей истории страны, диалектический момент в её судьбах со своей правдой и ложью. Ильин воспринимает революцию 1917 года не иначе, как «бесчестие народных масс и революционеров», «безумие» всех партий, включая охранительные, «безумие крестьянства, пролетариата, промышленно-торгового класса», а «наиболее безумна» оказалась интеллигенция», к тому же и действия императора и его брата приблизительно в этом же ряду.

Итак, Н.А. Бердяев, опираясь на основные положения историософского метода познания истории, выделил комплекс основных антиномий русского менталитета, корни которых он усматривал в сложной диалектике исторических и метафизических факто-

ров. Он подчеркивал: «Эта противоречивость создана русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа». У Ильина такого противоречия нет. У него государство и народ должны быть едины.

Оба мыслителя развивают идеи о национальном духе, характере, ментальности. Однако философия Бердяева раскрывает и отстаивает огромность свободы русского народа, способность его преодолеть все испытания; Бердяев, как кажется, больше Ильина верит в будущее своего народа, он более оптимистичен, он сам в нём. Для Ильина русский народ как бы со стороны: он беспомощен и подвержен историческим ошибкам и греховности, нуждается в мудрой, сильной власти. То есть Ильин ратует за сильную власть, которая поведет народ к светлому будущему, а Бердяев скорее апеллирует к внутреннему катарсису народа, к христианскому преодолению внутренних противоречий и изъянов. Он мало верит в помощь в этом властных структур (хотя роли, конструктивного исторического значения государства не отрицает, – но оно из наследия ветхого мира, из явлений «объективации», что необходимо преодолевать, а не увековечивать, как это у Ильина). Кстати, в этом подходе нередко усматривается Бердяев в качестве выразителя чаяний русской интеллигенции с ее инстинктами не- и даже антигосударственности, тогда как Ильин, наоборот, – жёсткий государственный и правовед.

Оба философа много пишут о Боге, христианстве. Бердяев глубоко изучает православие, его мысль часто критически настроена к исторической, в частности, русской православной церкви в аспекте подчинения её миру предстоящему, отступления от «новозаветного» задания, перспектив, цели. Ильин больше идеализирует русскую дореволюционную действительность, для него православная церковь в её данности – оплот русского народа и страны в целом.

Результаты исследования показали:

1. Детство и юность дали разные отпечатки на личности ученых: у Ильина – это традиционная неоспариваемая религиозность, православие, у Бердяева – это свобода, справедливость и любовь к познанию. На их взгляды повлияли разные мыслители, при том что философия Бердяева стала гармоничным продолжением русской религиозно-философской мысли и больше имеет связей и преемственности с ней, чем несколько обособленная философия Ильина.

2. У Бердяева апофеоз антропологии – это дерзновенный прорыв в «религиозную эпоху творчества», эпоху *третьего антропологического откровения*. Ильин вне внимания к началам и концам. Его мечта – увидеть преображенную Россию, свободную от коммунизма, обретшую свой национальный дух, превращающуюся в страну истинных патриотов и религиозно мыслящих людей с четким правосознанием, как выясняется, либерального толка. Целью историософских изысканий Н.А. Бердяева было уяснение смысла истории человечества и постижение истории России для определения ее роли и миссии в мировом процессе; целью историософии И.А. Ильина стало самоопределение относительно русской революции 1917 года и разработка плана восстановления России после неизбежного, по его мнению, краха коммунистического строя.

3. Бердяев, опираясь на основные положения историософского метода познания истории, выделил комплекс основных антиномий русского менталитета, корни которых он усматривал в сложной диалектике исторических и метафизических факторов, в сомнении относительно правды государства в народной душе. У Ильина такого противоречия нет. У него государство и народ должны быть едины. Ильин стоит на позиции либерализма с элементами диктатуры, Бердяев – за христианский социализм.

4. Важное расхождение между учеными: у Бердяева Русская идея мессианская, у Ильина скорее националистическая. У Бердяева смысл – выйти за рамки «русскости» во всеединство, не теряя своей национальности. Его взгляд глубже и дальше, он простирается через Россию к горнему духовному миру.

5. Ильин, утверждая, что к прежней России возврата нет, и категорически не принимая власть Советов, всё-таки гораздо ближе был к до-Октябрьскому прошлому, он стал выразителем чаяний и помыслов Белого движения и антисоветской эмигрантской религиозной мысли, тогда как Бердяев сумел преодолеть субъективизм «выброшенного из страны» эмигранта, и его в какой-то степени можно назвать выразителем дум и настроений духовно мыслящих людей части эмигрантской и даже советской России.

6. В процессе работы мы пришли к выводу о непричастности Ильина к философски-религиозному ренессансу, об установлении базирования его антропологической и историософской концепций на представлениях традиционного «исторического» христианства со всеми его нехристианскими искажениями. Выявлены: серьёзные моменты отождествления у Ильина понятий и явлений «совесть» и «здоровое правосознание», честь и лояльность; существенное значение в его концептуальных построениях феномена частной собственности и права, и потому не только контекстная, но и прямо проговорённая ориентация на либерализм, но при категорическом неприятии Запада – цитадели либерализма. Здесь противоречие – некая социальная утопия у Ильина.

В перспективе дальнейших исследований интересно было бы проследить преемственность антропологических воззрений Н.А. Бердяева и И.А. Ильина в среде российской интеллигенции постсоветского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М., 2005. 30 с.
2. К новому пониманию человека в истории: очерки развития современной западной исторической мысли / под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1994. С. 5–52.
3. Шепелева В.Б. Православие, «культурный код» русских и проблемы российского выбора в конце двадцатого столетия // Православие. Общество. Культура: материалы Междунар. науч. конф. «Русское православие: 4 века в Сибири: к 100-летию Омско-Тарской Епархии». Омск, 1995. С. 230–235.
4. Шепелева В.Б. Православная антропология и исторический вызов новейшего времени // Религия, человек, общество: тезисы сообщений Междунар. науч. религиозно-этического конгресса, Курган, 22–24 сентября. Курган, 1998. Ч. 2. С. 117–119.
5. Шепелева В.Б. К вопросу об особенностях типа мышления и духовных поисков на почве русской ментальности в XX веке // Культура и интеллигенция России: интеллектуальное пространство (Провинция и Центр): XX век: материалы IV Всерос. науч. конф. [г. Омск, 27–28 сент. 2000 г.: в 2 т.]. Омск, 2000. Т. 1. С. 48–56.
6. Шепелева В.Б. Синергетика и проблемы исторического познания // Историческое знание и интеллектуальная культура: материалы науч. конф. Москва, 4–6 декабря 2001 г. М., 2001. С. 20–24.
7. Шепелева В.Б. Проблемы диалога и синтеза универсальных, цивилизационных, национальных и этнических идеалов, ценностей, традиций // Культура и интеллигенция России между рубежами веков: метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX – начало XXI вв.): материалы V Всерос. науч. конф. Омск, 2003. С. 298–305.
8. Шепелева В.Б. 1917-й год в контексте постнеклассических поисков. Вопросы теории и методологии. Кн 1. Saarbrücken: LAP: Lambert Academic Publishing, 2012. 230 с.
9. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. Томск, 2001. 206 с.
10. Гаман Л.А. Русская религиозная философия истории (XX век). Северск, 2010. 106 с.
11. Гаман Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Томск, 2008. 332 с.
12. Шепелева В.Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии): монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. 704 с.
13. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948–1954 годов: в 2 тт. М.: Рарог, 1992. 344 с.
14. Ильин И.А. О патриотизме // Собрание сочинений: Справедливость или равенство? М., 2006. С. 560–562.
15. Ильин И.А. О России. Три речи 1926–1933 // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6, Кн. 2. С. 7–344.
16. Ильин И.А. О русской идее // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей / сост. Е.А. Васильев; Предисловие А.В. Гулыги. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 402–414.
17. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 5. М., 1996. С. 35–37.
18. Ильин И.А. Очертания будущей России // Ильин И.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 440–441.
19. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 54–55.
20. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. 607 с.

**N.A. BERDYAEV AND I.A. ILYIN'S ANTHROPOLOGICAL CONCEPTS:
INTERSECTION AND REJECTION POINTS**

© 2016

I.L. Sokina, postgraduate student of Modern Russian History and Historiography Department
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk (Russia)

Abstract. This paper presents a comparative analysis of historiosophical anthropological views of N.A. Berdyaev and I.A. Ilyin during the crisis of historicism when Russian thinkers were among the first to hit upon the anthropological basis of historical knowledge. The results of the comparative analysis have showed that at a certain similarity in the biographies of philosophers N.A. Berdyaev's anthropology apotheosis is a bold breakthrough in the «religious era of creativity», the era of the third anthropological revelation. I.A. Ilyin understood anthropology in a narrower way – he paid no attention to the beginnings and ends, his dream was to see transformed, free from communism Russia, which gained a national spirit, transformed into the country of true patriots and religious-minded people with a clear sense of justice of the liberal persuasion. There is an important difference between the thinkers: N.A. Berdyaev's Russian idea is the Messianic, I.A. Ilyin's one is rather nationalist. In Berdyaev's opinion the meaning is to go beyond the «Russian-ness» in unity, without losing their nationality. I.A. Ilyin believed that the future of Russia is a national dictatorship, whereas N.A. Berdyaev believed in Christian personalistic socialism. I.A. Ilyin was for strong government that would lead the people to a brighter future, while N.A. Berdyaev appealed to an inner catharsis of people, to the Christian overcome of internal contradictions and flaws.

Keywords: anthropological concepts; anthropology; Russian religious philosophy of XIX–XX centuries; N.A. Berdyaev; I.A. Ilyin; historicism crisis; Christianity; Orthodoxy; state; nation; mentality; cultural code; the Russian idea; freedom; creativity; unity; patriotism.